

Дедушка своим дряхлым телом изо всех сил старался не упасть, но уже не мог удержать от распада пошатнувшееся положение. Старик глубоко поклонился перед тем высокопоставленным чиновником:

— Мы подвели страну!

Подняв лицо, он уже был в слезах. Всю жизнь старик служил стране, охраняя её границы, и уже думал, что скоро сможет наслаждаться спокойной жизнью. Но внезапно его сын и невестка опозорили семью, вызвав такой скандал. Старик чувствовал себя виноватым перед страной и, не в силах больше оставаться на своём посту, добровольно ушёл в отставку.

Дин Сюй учился в пограничном училище, которое изначально было создано для детей служащих ведомства. Когда он получил известие от дедушки, его родители уже были заключены в тюрьму. Вместе с этим пришло и официальное письмо об исключении его из школы. Дин Сюй молча собрал свои вещи и отправился в путь на север. Он один ехал на поезде более 40 часов, и в течение этих долгих двух дней и ночей он зализывал свои раны, как физические, так и душевные.

Сколько может изменить человека 40 часов? Дин Сюй смирил свою гордость и опустил глаза. Он больше не был любимцем судьбы, теперь он был даже хуже обычного человека. Бывшие друзья в школе отдалились от него, даже насмехались:

— Дин Сюй, твоя одежда тоже куплена на украденные деньги? Почему её не конфисковали? Как так, ты не сидишь в тюрьме? Твой отец содержал десяток женщин, и твоя мать, говорят, тоже не отставала! Ха-ха!

Люди всегда бьют лежачего, будто так можно выплеснуть всю накопившуюся злобу.

Резкие слова и беспорядочные удары научили Дин Сюя защищаться. По крайней мере, в следующий раз он знал, что нужно защищать голову и шею.

Тогда Дин Сюй ехал в поезде на жёстком сидении. В середине ночи на станции поднялось много людей, и тёмный проход был заполнен тенями. Сидящий напротив мужчина уже крепко спал, и его храп раздавался, когда кто-то проходил мимо. Дин Сюй встал, чтобы пойти в туалет, подумал и всё же взял с собой единственный рюкзак, с трудом пробираясь через тёмный коридор...

Казалось, сон повлиял на него, и Дин Сюй с раздражением нахмурился, потянув за воротник рубашки. Ему было душно, он едва мог дышать. В ушах кто-то говорил:

— ...Да, внезапно поднялась температура ночью... Школьный врач... Укол...

Дин Сюй обнял того человека, ему было плохо, но он мог только выговорить его имя:

— Сяо Лянвэнь...

Обнимающие его руки сжались сильнее, и низкий голос тихо прошептал ему в ухо:

— Дин Сюй?

Дин Сюй? Во сне его тоже так звали, и кто-то протянул ему кошелёк. Всё тот же торчащий ёжик волос, который казался колючим на ощупь. Смуглый парень сунул кошелёк ему в руки вместе с выпавшим удостоверением личности.

Старый трюк в поезде, но его трудно было предвидеть. Дин Сюй попытался отвести руку с кошельком, хотел сказать слова благодарности, но никак не мог вырваться из его хватки. Смуглый парень приблизился, прижав его к углу. Поезд внезапно въехал в туннель, вокруг стало темно, и нельзя было разглядеть его лицо. В ушах грохотал звук движущегося поезда —

Дин Сюй.

Низкий голос звал его, дыхание окружало его так плотно, что он не мог убежать.

...Я хочу тебя!

Поезд выехал из туннеля, и грохот резко прекратился. Свет фонарей мелькнул за окном, и тень упала на лицо человека, обнимающего его. Почему-то лицо Сяо Лянвэня было уже взрослым, с торчащими волосами, которые казались колючими, и выглядело оно несколько суровым. Он вдруг улыбнулся, и в его звериных глазах появилась редкая мягкость.

— Кто сказал, что ты будешь раз за разом запутываться со мной? Давай будем вместе!

Тот человек объявил. Дин Сюй разозлился, изо всех сил пытаясь ударить его. Он уже так страдал, у него уже ничего не было. Почему? Почему его ещё и так унижают? Его дом, его будущее, его учёба, его родные... всё исчезло. Почему его не оставляют в покое?

В одно мгновение воспоминания нахлынули, и голова Дин Сюя раскалывалась от боли. Много из того, что он уже забыл, вернулось, и он снова пережил свои страдания. Он не мог плакать. Даже когда его родители покончили с собой в тюрьме, даже когда бабушка умер от болезни, даже когда его выгнали из дома без гроша в кармане, и он жил один... Он выжил. Он сдержал своё обещание самому себе — обязательно прожить жизнь лучше других! С большим достоинством!!

Но, Сяо Лянвэнь, почему это должен быть ты?

Почему ты постоянно появляешься в моей жизни? От города X до далёкого холодного севера, почему именно ты? Раз за разом мы встречались, намеренно или случайно, и в конце концов запутались в смертельной схватке. Сяо Лянвэнь, зачем ты разрушаешь мою жизнь? Я с таким трудом, с таким трудом смог начать жить нормальной жизнью...

— Дин Сюй, не печалься, — голос в ушах всё ещё говорил, и кто-то осторожно попытался поцеловать его глаза.

Слёзы не остановились от поцелуя, наоборот, они потекли ещё сильнее. Негодяй! Откуда ты знаешь, что мне плохо? Какое право ты имеешь говорить, что я в печали?!

Больной человек застонал, прикусив губу, издавая слабые звуки. Человек рядом замер, затем снова наклонился, чтобы поцеловать его побелевшие губы, нежно облизывая их, чтобы остановить кровь. Казалось, почувствовав мягкость языка, больной инстинктивно приоткрыл рот, и их языки сплелись...

Сон снова изменился, будто прошло много времени. Он мог видеть себя парящим в воздухе, глядя на человека, лежащего на больничной кровати, и высокого мужчину рядом. Он крепко держал руку, утыканную трубками и иглами. Рука уже сильно похудела, можно сказать, была кожа да кости.

Дин Сюй смотрел на своего бледного двойника. Если бы не слабое дыхание, связывающее их,

он, возможно, уже исчез бы. В голове непроизвольно возникла такая мысль. Три месяца он лежал на больничной койке, не открывая глаз, не реагируя даже на малейшие раздражители. Теперь он даже не мог усваивать питательные вещества, слабея с каждым днём, и скоро умрёт.

Высокий мужчина поднёс его безжизненно свисающую руку к своему лицу, будто шепча любовнику:

— Дин Сюй, как они могли так с тобой поступить? Ты не любишь, когда тебя принижают, когда за тобой ухаживают, и уж тем более не хочешь умирать без достоинства, как марионетка, правда?

Дин Сюй парил в воздухе, спокойно наблюдая за ним. Мужчина сначала нежно поцеловал его, затем стал грубее, разорвал тонкую больничную одежду, оставляя следы на бледной груди, будто хотел втиснуть его в свою плоть и кровь. Это был грубый секс, как у зверя.

— Дин Сюй, очнись, пожалуйста... Я отомщу за тебя, даже если придётся убить их всех...

Хотя нижняя часть его тела совершала грубые движения, слова мужчины были тихими, будто он боялся напугать его.

— Ты не любил, когда я дрался, не любил, когда я стрелял, но я всё это делал. Что теперь? Если ты не очнёшься, я убью... Ты позволишь мне сесть в тюрьму и не сделаешь ничего?

Кровь сочилась. Человек, который обычно морщился от боли при малейшем покраснении, теперь даже не шевельнул веком.

— Дин Сюй, я больше не позволю тебе страдать.

Мужчина сказал это и одной рукой перерезал все тонкие трубки, подключённые к его руке. Прозрачная жидкость растеклась по полу, и наконец тонкие, как паутина, оковы были сняты.

Следующий сон был будто повторением жизни. Он не мог изменить своих родителей, но мог изменить себя и Сяо Лянвэня, которого забрал из полицейского участка в десять лет.

Всё тот же торчащий ёжик волос, поддельный рюкзак и глаза, пристально смотрящие на него. Дин Сюй указал на юного Сяо Лянвэня и спросил полицейского:

— Сколько нужно залога, чтобы поручиться за этого парня?

Полицейский немного опешил, подумал и ответил:

— Триста юаней.

Сяо Лянвэнь, оказывается, твою судьбу можно изменить всего за триста юаней.

Если в прошлой жизни он случайно вошёл на территорию Сяо Лянвэня, то на этот раз он решил быть активной стороной. Давай поедем на север, подальше от этой грязи. Он не пойдёт в пограничное училище, и Сяо Лянвэню больше не придётся всю жизнь драться. Возможно, они смогут изменить лишь часть своей судьбы, но он готов стараться. Даже если это изменит только жизнь Сяо Лянвэня.

Давай проживём нашу жизнь в мире, хорошо?

Ты должен ответить «хорошо», потому что —

<http://bllate.org/book/16605/1518418>